

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В «ИСКРЕ» (1865)

В мемуарной и критической литературе о Слепцове не раз сообщалось об его участии в журнале «Искра». Но никто из авторов не мог назвать, что именно было написано Слепцовым для этого издания и что напечатано в нем. Таким образом, столь значительный факт творческой биографии Слепцова, как сотрудничество его в «Искре», в сущности, оставался не освещенным. Между тем в объявлениях «Искры», печатавшихся в газетах перед подпиской на новый год (1866, 1867) имя Слепцова как сотрудника журнала указывалось рядом с именами В. С. и Н. С. Курочкиных, Н. В. и Г. И. Успенских, Д. Д. Минаева, А. И. Левитова и других.

В протоколе допроса одного из видных деятелей «Искры» — Н. Курочкина — на вопрос: «Какие отношения ваши к В. Слепцову?» — было лаконично сказано: «Слепцова я знаю как сотрудника „Искры“ и „Современника“»¹.

В бумагах Слепцова, взятых у него при аресте, оказались рукописи сотрудников «Искры»: Н. Курочкина, Н. Вормса и других (см. стр. 483—484 настоящего тома).

Вновь найденные рукописи некоторых произведений Слепцова, например фельетона «Притчи и видения» (см. ниже, стр. 290) имеют пометы, свидетельствующие, что они предназначались для «Искры».

В «Искре» использовались статьи Слепцова, опубликованные в других изданиях (например, корреспонденция «Из Новгорода»).

Обнаруженный нами на страницах «Искры» и ниже перепечатываемый цикл статей Слепцова «Провинциальная хроника» восполняет, хотя бы частично, образовавшийся в изучении творчества писателя пробел. Надо полагать, что дальнейшие исследования выявят и другие произведения Слепцова в этом журнале.

Статьи под общим заглавием: «Провинциальная хроника» печатались в «Искре» в течение апреля — июля 1865 г. в №№ 16, 20 и 28 — *без подписи автора*. Статьи пронумерованы и имеют после общего введения подзаголовки: I и II — «Явления отрядные»; III — «Печальные явления».

Принадлежность этого цикла Слепцову устанавливается найденным нами в бумагах писателя и впервые публикуемым ниже автографом статьи, имеющим то же самое цикловое заглавие и подзаголовок, как и названные статьи в «Искре»: «Провинциальная хроника (опять отрядные явления), V». Текст статьи находится в одной тетради с «Записками самоубийцы» (см. ниже обзор бумаг Слепцова, стр. 475). Он переписан набело на больших листах; в середине второго листа наклеена вырезка из газеты «Волга» (1864). Статья явно готовилась к печати. Но эта пятая статья в «Искре» не появилась. Нет там и четвертой статьи. Быть может, Слепцов по ошибке поставил вместо цифры IV цифру V? Но вернее предположить, что четвертая статья была запрещена цензурой, и потому автору пришлось задержать и пятую статью.

Материал четвертой статьи, по нашему мнению, был использован писателем в очерке «Губернская пресса», появившемся в «Современнике» в сентябре 1865 г. Вынужденный оборвать «Провинциальную хронику» в «Искре», Слепцов, по-видимому, собирался сначала включить «Губернскую прессу» в новый задуманный им цикл «Скромные упражнения» (см. вступительную статью, стр. 347—350), но затем напечатал лавный очерк самостоятельно в разделе «Русская литература».

В постскрипуме к «Губернской прессе» находим косвенное доказательство тому, что в этот очерк вошел материал из четвертой статьи «Провинциальной хроники», не появившейся в «Искре»: автор считал необходимым объяснить, почему он приводит «песколок устаревшие» газетные сведения первой половины текущего года. К этим «несколько устаревшим» в сентябре материалам Слепцов обращался во время работы над «Провинциальной хроникой»; именно тогда он просматривал местные газеты начала года; многие из этих газет названы им и в «Провинциальной хронике».

По сравнению с фельетонами «Провинциальной хроники», статья, появившаяся в «Современнике», носит более открытый обличительный характер. Тем не менее связь между этими произведениями несомненна. Их сближает общность задачи: обличение либерализма, высмеивание тех, кто на веру принимает «великие достижения» реформ или сознательно преувеличивает их значение. При этом Слепцов, как он это обычно делает, выбирает один из участков жизни, на котором нагляднее можно продемонстрировать иллюзорность либеральных представлений. В какой мере «освобождение» со-

действовало общественному прогрессу, развитию «гражданских чувств», «публицистости» — доказывает, по мнению писателя-демократа, провинциальная пресса.

Давая обзор провинциальной периодической печати, автор иронически называл ее «прогрессивной», «независимой». Из статьи «Губернская пресса» мы узнаем (см. ниже, стр. 347—358), что к этой категории Слепцов относил и такие издания, как «Вестник Юго-Западной и Западной России», соединяющий в себе «полнейшую независимость мнения вместе с необыкновенной строгостью в преследовании главной цели». Демократически настроенные современники знали цену этой «прогрессивности», так как хорошо помнили реакционную и провинцистическую позицию подобных изданий, занятую ими во время польского восстания 1863—1864 гг., помнили, в частности, развернутую на страницах названного журнала кампанию борьбы с «птенцами из герценовской школы».

Официальные газеты, «благонравные» губернские ведомости, создавая видимость «прогрессивности», находились в полной зависимости от реакционной столичной прессы, являлись «куриным эхом» (по определению Щедрина) «Московских ведомостей» и правительственных изданий. Они приукрашивали действительность, вольно или невольно лгали. Недаром Слепцов, воспроизводя по губернским газетам «чудеса» пореформенной провинциальной жизни, заставляет читателя вспомнить слова из крыловской басни «Лжец»: «Но не везде их каждый примечал».

Писатель разнообразно использует в «Провинциальной хронике» материал местных газет: то цитирует его без комментариев, то высказывает по ходу изложения лаконичные иронические замечания, то в одном месте концентрирует факты из разных заметок, то делает перегруппировку даже внутри одной заметки², то полемизирует с автором по вопросам общего характера, то обыгрывает лишь факты или манеру изложения, отдельные трафаретные обороты речи.

Во вступлении к «Провинциальной хронике» Слепцов иронически оговаривал, что будет изображать провинциальную жизнь, как это делают его «собраты — провинциальные хроникеры», что он будет черпать материал из достоверных и благонадежных источников — губернских ведомостей, т. е. «из живой действительности», и сортировать материал по двум категориям: «отрадные»³ и «печальные» явления. Избранный писателем персонаж («полицейского или почтового чиновника»), будто бы вполне сочувствующий тому, что он описывает, является обычной формой сатиры того времени.

В самом начале автор отказывается от изложения своего общего взгляда под тем предлогом, что он может быть ошибочным, однако читатель угадывает его в отборе фактов, в их группировке, в скрытом ироническом тоне повествования, в использовании, подобно Добролюбову, Щедрину, сотрудникам «Искры», таких либеральных штампованных выражений, как «отрадные явления», «Русь зашагала», «единодушно и с усердием», «неусыпные попечения», «благие предначертания» и др.⁴

В «Провинциальной хронике» ирония Слепцова скрывалась в самом противопоставлении декларативных сентенций (в либеральном духе) реальным фактам, в противопоставлении выводов, которые следовало бы сделать (например, о застойности современной жизни, особенно жизни провинциальной), выводом, широко распространенным о современном «прогрессе». Распространенность же этого либерального взгляда специально подчеркнута Слепцовым таким образом: он берет для иллюстрации материал газет, выходящих «под различными градусами долготы и широты»: от «Олонецких губернских ведомостей» до «Киевского вестника», от «Енисейских губернских ведомостей» до «Волги», «Одесского вестника» и т. д.

Вслед за Добролюбовым писатель упрекает газеты за то, что они льстят обществу, уверяя, что пробудилось его самосознание, и Россия «во всю мочь побежала по дороге прогресса»⁵. В современной прессе пробуждение общественной жизни в провинции связывали с появлением «гласности» после «освобождения».

Избрав источником своей «Провинциальной хроники» именно такой официальный орган, как губернские ведомости, писатель дал понять, что современная свобода общественного мнения существует только в воображении официальных лиц и либералов. В самом деле, достаточно перелистать те газеты, которые были в руках Слепцова, чтобы убедиться в справедливости основного вывода писателя: так называемые «прогрес-

сивные», «независимые» губернские газеты в действительности являются органами печати, всецело зависящими от местной администрации, заполняемыми преимущественно официальными материалами, лишенными возможности отражать живую жизнь⁶.

Хотя «осуществляя» идею «слияния сословий», редакции обращались к помещикам, духовенству, купечеству, учителям, крестьянам с просьбой писать в газеты (см., например, «Орловские губернские ведомости»), но, по словам Слепцова, писали в эти органы губернских правлений канцелярские служители. Местные начальники брали газеты под свое покровительство, оказывали им «начальническое поощрение», печатали в них свои «предначертания», выражали свое недовольство.

Городской голова г. Данкова (Рязанской губернии) купец В. Ермаков «плачет», — по словам Слепцова, — на повсеместное распространение пьянства». Писатель издается над такими печальниками народной нравственности, сближая их с сотрудниками «Московских ведомостей», которые громогласно говорили о пьянстве как «страшной народной язве», о пагубном влиянии пьянства на «благосостояние народа», на его нравственность и... предлагали заменить водку пивом⁷.

В «губернских ведомостях», как пронически показывал Слепцов, под «гласностью» понимался также разговор во всеуслышание о самых мелких, нелепых местных происшествиях (см., например, «Жеребец в гостиной частного пристава»). Здесь обличение ограничивалось критикой (с соизволения начальства) низших чинов. Подобную «стыдливую», благонамеренную гласность высмеивали до Слепцова и одновременно с ним — Чернышевский и Добролюбов, Салтыков-Щедрин⁸ и сотрудники «Искры».

Слепцов считал и в художественном отношении интересным «обнаготить стыдливую губернскую нимфу» («Губернская пресса»). Верноподданнический характер этих газет он дает почувствовать, воспроизводя созданную ими атмосферу сплошного ликования, ликования по указке, по приказанию («Ну, теперь пляши!»). Претендуя на то, чтобы быть зеркалом внутренней жизни провинции, «губернские ведомости» охотнее всего рассказывают о празднествах, масленичных катаниях, благотворительных спектаклях и т. д., видя во всем этом опять-таки оживление общественной жизни.

Верноподданнический характер «губернских ведомостей» писатель воспроизводит многими эзоповскими приемами. Например, цитируя «губернские ведомости», он фиксирует порой внимание лишь на безграмотных формулировках: «...для ее уха (уха России) приятно звучит название новой Туркестанской области, присоединенной к Оренбургскому краю». Современный Слепцову читатель угадывал, что речь идет о колониальной политике царского правительства — завоевании Средней Азии.

Один из оригинальных эзоповских приемов Слепцова — отсылка читателя к той или иной газете, точная «библиографическая справка». Уже в первой части «Провинциальной хроники» Слепцов делает такое примечание: «Ежели читатель подумает, что я тут что-нибудь перевернул, то советую ему прочесть № 10 за 1865 г. „Оренбургских губернских ведомостей“, часть неофициальная, передовая статья, под заглавием „О значении местных газет“ — сам увидит». Обратившись же к указанной газете и к названному Слепцовым «Одесскому вестнику», читатель найдет не только упоминание, например, о четырех балах-маскарадах, которые решено дать в зимний сезон в Благородном собрании, но и «обоснование» такого безудержного ликования: «1864 год едва ли не самый высокий, славный и счастливый момент в жизни русского народа». «Что произошло в 1864 году? Польское восстание усмирено; земские учреждения начинают вводиться по всей России; судебная реформа наполнила радостью все углы и уголки нашей империи, давно ожидаемые проекты о народных училищах и гимназиях наконец обнародованы»⁹.

Приведенный пример обнажает приемы отбора Слепцовым материала из «губернских ведомостей», включая заметки «веселого направления». Автор использует строчки нейтрального содержания. Но он заставляет читателя, обратившись к самой газете, убедиться, что описания, казалось бы, незначительного местного события, происшествия носят порою далеко не невинный характер. Так, спектакль в пользу нуждающихся воспитанниц Гродненской женской гимназии и описание его в «Гродненских губернских ведомостях» имеют тот реакционно-шовинистический характер, который так горячо осуждал писатель в непропущенных цензурой «Петербургских заметках». Автору

приходится опустить содержание пьесы «Возвращение на родину (с дивертисментом)», сочиненной главной надзирательницей женской гимназии. Лишь прочитав в «Гродненских губернских ведомостях» заметку о постановке этой пьесы¹⁰, мы понимаем, почему Слепцов так настойчиво дискредитирует и спектакль, и его устроителей, и автора заметки. Оказывается, дело не только в безграмотных формулировках («соловое» пение вместо сольного), в штампованных газетных выражениях (взрывы «непоколебимого восторга», «восторженный гром рукоплесканий» и пр.), а в том, чем именно вызваны «непоколебимые восторги». Куплеты поселянок, исполненные «слишком 30 молоденькими девицами», были сочинены надзирательницей гимназии в честь русского царя и воинов, спешащих «с поля ратного домой», т. е. возвращающихся после усмирения польского восстания.

Тот же псевдонародный, повиннистический смысл скрыт и в «Могилевских губернских ведомостях», на которые ссылается Слепцов. Автор газетной статьи, подобно гродненскому хроникеру, проявляет антипольские настроения, верноподданнические чувства, описывая «масленичные увеселения» в Могилеве¹¹.

Слепцов пародирует (в духе «Искры») либеральные газеты, которые охотно прибегали после 1861 г. к сравнению современной жизни с весенним потоком, с ожившей природой. Он высмеивает и «просветителей», типа Золотова, наводнивших страну своими изданиями для народа, и редактора журнала «Учитель» И. И. Паульсона, и либеральных журналистов, готовых видеть в невежестве единственную причину несчастий народа, воздать хвалу новому времени, якобы уже устранившему эту причину.

Но особенно остро-сатирически комментирует писатель эпизоды, извлеченные из «губернских ведомостей», в которых рисуется «слияние» народа не только с «заботливыми» мировыми посредниками и «благомыслящими» старшинами, но и с властями «предержащими». Разумеется, и в этом случае Слепцову не удавалось договорить все до конца. Поражаешься смелости и находчивости, с которыми он в эзоповской форме передавал читателю свое отношение к подобным идиллическим картинам¹².

Слепцов настойчиво обличает неумение или сознательное нежелание либеральных журналистов увидеть корень явлений, поверхностное понимание и узко-сословное объяснение ряда существенных фактов в пореформенной жизни народа, т. е. изображение вещей «совершенно не в том виде, в каком они есть» («Губернская пресса»). Как бы впадая в тон этих журналистов, писатель уделяет внимание «отрадным явлениям» и называет лишь «маленькими недоразумениями» некоторые «печальные явления».

В той же манере типического корреспондента «губернских ведомостей» Слепцов выражает далее неудовольствие нищими, извозчиками, беспокоящими пермских обывателей, крестьянами, проявляющими («в порядке исключения и по невежеству») равнодушие к земским учреждениям, к выборам «гласных». Пользуясь опять-таки эзоповской формой, «фигурой умолчания», он заставляет читателя понять, что причину нужно искать в ином, в экономическом и правовом положении крестьян, в разорении их после реформы, заставляет увидеть и протест народа против тех самых «нововведений», которые так охотно воспевают либералы. Слепцов несколько раз отсылает читателя к «Костромским губернским ведомостям», из которых он, в частности, почерпнул сведения о том, как крестьяне не захотели баллотировать помещиков¹³.

Слепцов неоднократно указывает читателю те номера газет и те заметки, где сквозь легкую дымку модного либеральничанья отчетливо проглядывает расчет и надежда на полицейскую силу. Так, в заметке о пермских извозчиках, несмотря на либеральную фразеологию, чувствуется стремление оградить себя, свой «тихий целомудренный гор-род» от такого «безобразного явления», как наплыв из деревни крестьян, занявшихся извозничьим промыслом: «В последнее время, местная наша полиция обратила серьезное внимание на бесчинства извозчиков и приняла против них деятельные меры»¹⁴.

В «Провинциальной хронике», как и в «Петербургских заметках» и в «Письмах об Осташкове», Слепцов высмеивает идеализацию либеральными журналистами шествия «отечественного прогресса» даже по самым захолустным местам. Таково едкое описание Слепцовым, со слов местного корреспондента, села Катунки Балахнинского уезда Нижегородской губернии («Отрадные явления», V). Дословно цитируя,

лишь с некоторыми пропусками, большую статью, напечатанную в газете «Волга» (за подписью Зеленец), Слепцов вставляет от себя по ходу изложения лишь лаконичные фразы — выражение удивления и восторга: «Так вот они Катунки-то какие!» «Это всё катунцы!»¹⁵. Перечисляя замечательные качества катунцев, он начинает каждый пример со слов: «мало того», «кроме того». Ироническое отношение писателя ясно и из самого «восторженного» тона, из подчеркнутых им в тексте корреспондента слов, особенно из обращения к читателю. Выразительны здесь многоточия: «А между тем Катунки это... это село». «Читатель! Неужели ты не рвешь на себе волосы и не ругаешь... самого себя». Эти многоточия служат средством создания комического эффекта; можно ожидать, например, что после слов: «не ругаешь» будут слова: корреспондента «Волги», написавшего о Катунках, а вместо этого читаешь: «самого себя» — за то, что не знал о Катунках.

Хотя цикл статей Слепцова назван «Провинциальная хроника», автор вышел далеко за пределы описания провинциальных нравов. Он выбрал то, что было характерно для политического быта всей пореформенной России, и лишь в эзоповских целях бросил на это «провинциальный» взгляд, взгляд будто бы ограниченного, «благонамеренного» читателя, который за внешним не угадывает сущности явлений.

«Провинциальная хроника» — один из лучших публицистических циклов Слепцова, не уступающий по значению и мастерству его «Письмам об Осташкове».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии. О волнопрактикующем враче Николае Курочкине». — ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 203, л. 22.

В бумагах Курочкина сохранилось письмо к нему Слепцова: «Не прочтете ли вы чего-нибудь, Николай Степанович, на вечере у Европеуса сегодня. Если можете, уведомьте, пожалуйста: дело спешное. Хорошо бы, если бы вы прочли. Еще будет читать Жуковский, Михайлов и я. В. С л е п ц о в» (там же, оп. 2, ед. хр. 155, л. 24). Из этого письма ясно, что отношения Курочкина и Слепцова выходили за пределы сотрудничества в одном журнале.

² См., например, заметки о выборах, о рекрутах в «Костромских губернских ведомостях», 1865, № 5, от 30 января; № 10, от 6 марта.

³ Этот эпитет иронически используется и в статье Слепцова «Губернская пресса».

⁴ См. «Отрадные явления», «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами». — Д о б р о л ю б о в, т. IV, стр. 174; т. VI, стр. 72; «Скрежет зубовный», «Литературные обыватели». — Щ е д р и н, т. III, стр. 140, 218.

⁵ «Литературные мелочи прошлого года». — Д о б р о л ю б о в, т. I, стр. 41—42.

⁶ В докладе цензора Еленева С.-Петербургскому цензурному комитету 3 ноября 1865 г. неодобрительно говорилось о статье «Губернская пресса: «Насмешки над губернской администрацией по поводу распоряжений некоторых губернаторов, заявленных в местных губернских ведомостях» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 65, л. 14 об.). Цензурный комитет также нашел предосудительной эту статью.

⁷ Д. С к у р а т о в. По поводу учреждения комиссии для пересмотра постановлений о продаже крепких напитков. — «Московские ведомости», 1865, № 92, от 30 апреля; Г. Ф. О пьянстве в России. — Там же, №№ 103 и 104, от 13 и 15 мая.

⁸ Ч е р н ы ш е в с к и й. «Письма без адреса» (1862), «Время», журнал политический и литературный (1863); Д о б р о л ю б о в. «Литературные мелочи прошлого года» (1859), «Весна» (1859); М. Е. С а л т ы к о в-Щ е д р и н. «Скрежет зубовный» (1860), «Признаки времени» (1863).

⁹ «Оренбургские губернские ведомости», 1865, № 10, от 6 марта; «Одесский вестник», 1865, № 4, от 9 января.

¹⁰ «Гродненские губернские ведомости», 1865, № 6, от 6 февраля («Спектакль в городском театре»).

¹¹ «Могилевские губернские ведомости», 1865, № 8, от 20 февраля («Масленица в Могилеве на Днепре»).

¹² См., например, «Киевский телеграф», 1865, № 23, от 26 февраля, заметку «Из Канева», к которой отсылает читателя Слепцов.

¹³ «Костромские губернские ведомости», 1865, № 3, от 16 января («Из Юрьевского уезда»).

¹⁴ «Пермские губернские ведомости», 1865, № 7, от 12 февраля («Биржевые извозчики в Перми»).

¹⁵ «Волга», 1864, № 52, от 29 декабря («Село Катунки»).

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА

ЯНВАРЬ — МАРТ <1865 г.>

Приступая к провинциальной хронике, считаю долгом предупредить читателя, что никаких тенденций, обличений, а тем более скандалов в моей хронике он не встретит. Я намерен просто представить столичному читателю картину современной общественной жизни в провинции, не мудрствуя лукаво, а изображая эту жизнь совершенно так же, как ее изображают мои собратья — провинциальные хроникеры. Я буду почерпывать материалы для своих изображений из источников самых достоверных и ни для кого не обидных — из губернских ведомостей, которые, как известно, издаются при губернских правлениях, пишут их чиновники и учителя, люди благонадежные и трезвые; стало быть, пасквильного ничего тут быть не может, одна истинная правда. Вот на основании этих данных я и приступаю и надеюсь, что читатели должны остаться довольными.

Итак, начинаю.

По-настоящему, прежде всего следовало бы бросить общий взгляд на внутреннюю жизнь России, но «в наше время, когда и пр. и пр. и пр.», я чувствую, что мне не по силам эта задача. Притом же хроника моя несомненно выиграет в отношении разнообразия, если вместо моего общего взгляда, может быть, даже ошибочного, читатели будут встречать в ней различные общие взгляды, вырабатывавшиеся под различными градусами долготы и широты и выразившиеся в различных органах местной прессы. На этот раз общий взгляд на современное положение нашего отечества будет *оренбургский*. Потом бросим, может быть, и астраханский или калужский губернский взгляд; это смотря по тому как, а теперь пока оренбургский. Итак, общий взгляд на этот раз вот какой:

«Русь зашагала: должно ли предположить, что она, только что начав путь, устала, остановилась и махнет рукой?»

Читатель, ты как полагаешь: должно предположить или нет? А? Давай попробуем, предположим, что будет? Да нет, и пробовать нечего. Нельзя этого предполагать по той причине, что уж ежели зашагала, кончено. Притом же и в «Оренбургских губернских ведомостях» вслед за этим вопросом прямо сказано, что предполагать это нельзя, ибо «кто знает русский дух, тот знает его выражение: идти, так идти; сидеть, так сидеть». Ну, значит, нечего нам с тобой, читатель, и соваться. Далее что? Далее: «*Поэтому, она идет*». Почему — *поэтому*? — неизвестно; ну да все равно. Что тут еще разговаривать. Идет! Это верно... «Что ж может ее остановить?»

В. Ежели читатель подумает, что я тут что-нибудь переврал, то советую ему прочесть № 10 за 1865 год «Оренбургских губернских ведомостей», *часть неофициальная*, передовая статья, под заглавием: «О значении местных газет» — сам увидит.

Продолжаю.

Оренбургский взгляд на журналистику следующий:

«Газеты вообще, в особенности официальные, как добросовестный полицейский или почтовый чиновник, не знают праздников и табелей. Все дни для них равны. Как беспристрастное слово они так же не имеют ни друзей, ни врагов; ни дальних, ни ближних родственников; ни кумовства, ни свойства.

Как дни, все люди равны для них. Как они относятся к богатым хоромам, так относятся и к бедной хижине. Мнения газеты может менять время, но не место, обстоятельства и лица. Ее слово в данную минуту не изменится ни для кого — верно оно или ошибочно, *это смотря по убеждению*; но слово одинаково для всех — для богача и для бедняка; для

сильного и слабого, влиятельного и невлиятельного. Пользуется газета сочувствием в этих убеждениях или нет, *все равно*: ее дело вести честную речь, и она не разбирает, кто встретит эту речь дружески и кто враждебно. Она имеет дело со всем мыслящим и читающим человечеством безразлично» (смотри там же).

Вот видишь ли, читатель, какая это отличная штука газета; ей все равно — пользуется она или не пользуется, верно ее слово или ошибочно, богатый ли, бедный ли, будни, праздники, — ей все равно, она ничего не разбирает. Далее говорится, что «никакая самая сладчайшая музыка не может сделаться столь приятною, необходимою для всего образованного мира», как пение газет. Это все *общий взгляд* (оренбургский) на журналистику; теперь можно перейти и к частностям. Оказывается, что теперь, в настоящую минуту, нам с тобою, читатель, следует заняться, чем? — Как ты думаешь? — Опять-таки Оренбургским краем, потому что «теперь на него устремлены взоры всей России. Она следит за делами, совершающимися в далекой степи, там, в Азии... под Чекментом и Ташкентом; для ее уха (для уха России) приятно звучит название новой Туркестанской области, присоединенной к Оренбургскому краю». Вот история-то! А мы этого ничего и не знаем. Но как бы ни было приятно для уха России название новой Туркестанской области, все-таки долго останавливаться на этом мы не можем, иначе мы никогда не выберемся из Оренбургского края; а ведь нам еще целую картину рисовать нужно.

Главное — заручиться общим взглядом. Вот мы добыли его из «Оренбургских губернских ведомостей» и знаем теперь, что Россия запагала и что журналистика — это полицейский или почтамтский чиновник. Взирать с этой точки зрения на нашу внутреннюю жизнь, по-моему, чрезвычайно удобно, потому что здесь представляется возможность необыкновенно просто сортировать все явления нашей жизни, какие бы они ни были. Все, что способствует «шаганию» России, мы отнесем к одной категории и назовем такие явления — *отрадными*; такие же, которые мешают преуспейанию нашего отечества, отнесем к другой и назовем их — *печальными*. Подобное изучение провинциальной журналистики показывает, что отрадных явлений в нашей внутренней жизни несравненно больше, нежели печальных. К сказанному следует прибавить, что это деление или сортировка фактов вовсе не изобретена мною, а только подмечена и извлечена из живой действительности, т. е. из губернских ведомостей; наконец, она и необходима, так как известно, что никакой картины написать невозможно без света и теней.

Начнем с первой категории.

I

ЯВЛЕНИЯ ОТРАДНЫЕ

Бесконечную вереницею несутся передо мною знакомые газеты, бесечно и весело шурша страницами, и точно в панораме мелькают на них пестрые слова: *библиотеки, школы, клубы, обеды, школы, благородные спектакли, библиотеки, елки, собрания, съезды, приюты и танцы, танцы и водопроводы* и проч. и проч. ... Ловлю наудачу первое попавшееся отрадное явление. Что такое? — *Город Вытегра*... «дома и домики чистенькие с приятною наружностью, в домах — чисто, опрятно, даже редко где встретишь традиционного таракашика; улицы прямые, широкие, с мостиками вместо тротуаров; порядок в городе примерный, а против воров и недобрых людей есть у нас свои ночные соловьи, поют да и только, словно весною. Дело в том, что для безопасности жителей учреждена здесь ночная стража со свистками, звук которых, точно соловьиный напев. Украшением города служит подъемный мост и шлюз на реке Вытегре,

в самом центре города. При шлюзе, на островке, небольшая роща и вокзал, в котором летом играет музыка.

Есть у нас выбор отличных книг по разным предметам, все русские журналы, некоторые заграничные и клуб.

Но что же и тут удивительного, скажете, где ныне клубов нет! Правда. Но у нас клуб как бы собрание одной семьи — все знают друг друга, да, кажется, и любят друг друга; скандалчиков не бывает, игр азартных нет, а играя по четверти копейки point *, столько наспоришься и насмеешься, как и при дорогой игре, или, лучше сказать, чего при дорогой игре не бывает, а результат тот, что вечер после служебных трудов проведешь весело и дружно. По воскресеньям в клубе бывают семейные вечера, и мужья охотно приводят дорогих половин своих, потому что у нас не требуется роскоши в туалете, не считают, сколько раз одно и то же платье надето.

Недавно состоялись у нас выборы градского головы. Выбор сделан удачный и предварительно одобрен посещавшим в то время наш город начальником губернии. Избран молодой почетный гражданин П. М. Манин, человек умный и с благородною душою» («Олонекские губернские ведомости»).

Нужно ли прибавлять что-нибудь к этому описанию? — спрашиваю я у людей, привыкших обо всем рассуждать по-своему и перекраивать на свой лад самые очевидные факты. И что можно сказать людям, которые дождались возможного на земле счастья и говорят: «да, мы счастливы, мы довольны тем, что у нас есть и знать больше ничего не хотим»? Очевидно, что тут уже нет места никаким рассуждениям.

Но при этом я считаю необходимым заметить, что сейчас приведенное описание никому неизвестного городишки сделано вовсе не в виде исключения, что те блага, которыми сумели так хорошо воспользоваться граждане г. Вытегры, рассеяны повсюду.

— Но не везде их каждый примечал.

Передо мной другое описание совершенно такого же свойства и счастливый уголок на этот раз еще глуше, еще безвестнее Вытегры — *Петровск в Дагестане*. И он тоже спешит подать свой голос, чтобы кто-нибудь не подумал о нем худо; и он тоже заявляет о себе и старается убедить читателя, что там у них вовсе не скучно, и даже, напротив, очень приятно можно провести время. «Правда, — говорит Петровск в Дагестане, — что у нас много неудобств... но все-таки, говорит, мы по возможности развлекаемся. Летом купаемся в море, по несколько раз в день; приезжие занимают нас или визитами, или новостями, или обстановкою. В чудные ночи постоянные прогулки, приятный разговор, увлекательная веселость грузинок, все это разнообразит время» («Волга», 1865, № 2).

Вообще оживление замечается повсюду. Даже в таких городах, которые всегда известны были под именем трущоб и медвежьих углов и отличались непродоумою скукою, даже и там устраиваются спектакли, семейные вечера и танцы, чему иногда способствуют местные условия, а иногда, по-видимому, ничто не способствует, напротив, даже обстоятельства складываются так, что как будто хотят расстроить и огорчить жителей известной местности, а жители танцуют и веселятся до упаду. Это только доказывает, что когда люди решились веселиться и танцевать, то их удерживать ничто не в силах. Бывает и так, что город, косневший, по-видимому, в сплетнях и сплошь заросший непроглядною скукою, вдруг, по случаю приезда какого-нибудь нового лица, мгновенно оживляется и начинает ликовать.

* очко (франц.).

Искра.

Расшироченный патриотизм.

Губернский лирик. ... И вот светозарный юноша запечатлел поцелуй избавления на челе спавшей 1000 лет красавицы — и она пробудилась... Кто же этот девственник? — 19 февраля; а эта девственница? — Наша дорогая Русь. Столичный вития. Экую дичь запорол! (Поэт): Просил знаменательный день 19 февраля! — «Мы свободны!» — аффект в сердцах миллионов людей; сословия подали друг другу руки, сплелись в одно объятие — и брызнули слезы любви и примирения...

«РАССИРОПШЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ». ЗАПРЕЩЕННАЯ КАРИКАТУРА

Губернский лирик. И вот светозарный юноша запечатлел поцелуй избавления на челе спавшей 1000 лет красавицы — и она пробудилась... Кто же этот девственник? — 19 февраля; а эта девственница? — Наша дорогая Русь.

Столичный вития. Экую дичь запорол! (Поэт): Просил знаменательный день 19 февраля! «Мы свободны!» — отозвалось в сердцах миллионов людей; сословия подали друг другу руки, сплелись в одно объятие — и брызнули слезы любви и примирения!..

Рисунок Н. А. Степанова. Предназначался для журнала «Искра». Перечеркнут цензором, 1862 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Так, например, Могилев.

«С семейного вечера, в день приезда в Могилев одного из начальствующих лиц 11 ноября прошлого года, как с легкой руки, идут то балы, то вечера, то спектакли. Бывало, пусто в клубе, кроме двух-трех столиков, играющих по небольшой, чтобы избавиться от скуки; а теперь на каждом бале, на каждом вечере и спектакле залы полнехоньки. За зиму с 11 ноября по 6 февраля насчитывается балов и семейных вечеров в клубе десять и спектаклей два. Чего же больше желать? Скучать некогда и отдохнуть от трудов можно, как раз во время, не редко и не часто» («Могилевские губернские ведомости» № 6).

Но неужели ты думаешь, читатель, что Могилев оживился потому только, что туда приехало начальствующее лицо? Ошибаешься. Город всегда был расположен веселиться, и ему нужна была только придирка к чему-нибудь, нужно было воспользоваться каким-нибудь удобным случаем, хоть бы даже приездом какой особы для того, чтобы начать ликование. Мы, русские, вообще — нерешительные люди; мы вследствие природной скромности очень часто не делаем того, что нам самим приятно, и в этих случаях всегда бываем благодарны человеку, который, угадав наше желание, скажет нам, например, «Ну, теперь пляши!» Мы и сами давно этого желали, но не прикажи нам посторонний человек, мы бы долго, вероятно, а может, и вовсе не решились бы исполнить наше задушевное желание. Нас можно уподобить девице, сидящей на бале, девице, которую разбирает смертная охота танцевать, но она ждет кавалера, который бы подошел к ней и пригласил ее на тур вальса. А не подойди к ней кавалер, она танцевать не будет, ибо скромность ей этого не позволяет.

Вся сила в том, чтобы кто-нибудь угадал наше желание и позволил нам его исполнить. Инициатива! Вот чего у нас нет.

Но зато в том случае, когда задушевное желание наше угадано и мы получаем дозволение, в этом случае мы становимся неуправляемы, и во всяком случае это явление отрадное. Приятно видеть, как везде, в самых глухих и отдаленных углах нашего отечества, люди изъявляют готовность по первому призыву выражать самую непритворную радость.

В г. Бугульме, например, был съезд по случаю земских выборов в гласные. Выборы не совсем удались; но зато благородные спектакли, по инициативе супруги уездного предводителя, совершенно удались. Вышла было небольшая задержка за тем, что возник вопрос относительно публики: долго спорили о том, кто же должен быть публикою? Думали, думали и решили наконец: скликать народ с улицы, всех, кто пожелает. Вот и повалило земство в дом к предводителю, и так это всем понравилось, что в следующий спектакль простецов (выражение одного из губернских публицистов) набрался полный зал, духота была смертная, «но ни пьяных, ни песен, — говорит корреспондент, — не было», — и даже будто бы публика по поводу благородных спектаклей выразилась таким образом, что «эвто не в пример лучше, чем в кабаке». Ну, это я не знаю, это, может быть, местный хроникер уже от себя прибавил, а что вот виноторговцы в городе остались недовольны благородными спектаклями, то это верно, так как им собственно принадлежит лестное право веселить сердце человека; и если они примутся соперничать в этом деле с учредительницами спектаклей, то еще бог знает, на чьей стороне будет победа.

А вот в Ставрополе был тоже спектакль, так в ведомостях прописаны даже по чинам все участвовавшие; один только Иван Филиппович Унтилов с дочерьми обозначен без чинов, но зато поставлен в начале списка. Судя по этому, следует предполагать, что Ивана Филипповича Унтилова все знают и без того. Прочие же все прописаны по чинам, начиная с высших и постепенно доходя до *армии прапорщика*. Вот этот список.

«Иван Филиппович Унтилов, дочери его: Капитолина и Римма, жена капитана генерального штаба Марья Викентьевна Шульгина, военный инженер поручик Александр Михайлович Посыпкин, штабс-капитан артиллерии Николай Егорович Никифораки, дочь полковника девица Вера Михайловна Посыпкина, штабс-капитан генерального штаба Иван Людвигович Фрейер, гвардии штабс-капитан Николай Франсович Вертейн, сын полковника Иван Егорович Атарщиков, армии поручик Порфирий Иванович Юрьев, дочь губернского предводителя дворянства Ольга Дионисьевна Сердаковская, отставной прапорщик Михаил Михайлович Посыпкин, коллежский регистратор Алексей Виссарионович Калемин и армии прапорщик Алексей Павлович Максимов».

Ну, играли, разумеется, превосходно, театр был полон, вызовом не было конца. Это уж все само собою разумеется; только вот что мне не нравится: отчего не прописано, где служил Михаил Михайлович Посыпкин? Об Алексее Павловиче Максимове известно, что он *армии прапорщик*, а о месте служения Михаила Михайловича ничего не сказано. За такой недосмотр редактора «Ставропольских губернских ведомостей» хвалить нельзя. Это показывает пренебрежение к читающей публике; да, наконец, даже относительно Михаила Михайловича это неловко. Нет; это со стороны «Ставропольских губернских ведомостей» опрометчиво поступлено.

Впрочем, с другой стороны, нельзя не порадоваться тому, что у нас начинает вводиться похвальный обычай оглашать звание, чин, имя и фамилию лиц, заявивших себя по части оживления общественных удовольствий, и желательно, чтобы такой обычай нашел подражателей. А так как ликование и вообще все это веселое направление у нас еще дело новое, то надо надеяться, что, по мере развития и укоренения его, в нашем отечестве появится много разных нововведений. Кое-какие утешительные попытки заметны уж и теперь. Так, например, в Могилеве с масленицы нынешнего года ввелся обычный катания на тройках, чего до этого времени не было. Расписные дуги, шлеи с бляхами и бубенчики составляют, бесспорно, одно из самых отрадных нововведений в жизни могилевских жителей. И что отраднее всего, так это то, что инициатива в этом деле принадлежит простым русским людям, из подмосковных крестьян, братьям Захваткиным, промысляющим в городе «...легковым извозничеством. Братья Василий и Иван Захваткины и сами молодцы, кровь с молоком, и коней имеют добрых, и сбрую богатейшую, и ездить умеют лихачами. С приездом великорусских чиновников и офицеров с семействами они ожили с обычаями родной стороны» («Могилевские губернские ведомости»).

В других городах троечные катания тоже процветают. В Ельце, который, по всей справедливости, может быть назван *лошадиным городом*, в особенности любят катания. Молодежь, как сказано в «Орловских губернских ведомостях», сама правит, «а елецкие красавицы *стараятся* щеголять своими богатыми нарядами и бриллиантами» (смотри «Орловские губернские ведомости», № 11).

Любопытно бы узнать, как это, однако, ухитряются елецкие красавицы, сидя в санях, *щеголять бриллиантами*? Куда же они их привешивают? В ноздри серги продевают, что ли?

Одних благородных спектаклей в Ельце было в зиму — 15. Шутите вы <с> нами после этого. В Хотине бывают спектакли любителей, а в антрактах поют арии и русские песни. «В Гомеле, в новом помещении клуба, был бал; дам было немного, но костюмы всех, без исключения, были великолепны. Прекрасное помещение имело благотворное влияние на расположение всех; веселились до четырех часов утра, чего в Гомеле давно не было» («Могилевские губернские ведомости»).

Был тоже в Вильно очень оживленный бал. По словам «Виленских губернских ведомостей», он выходит из ряда обыкновенных; устроен он был в пользу детских приютов. Одних распорядителей было 12 человек, 375 человек посетителей, в разных костюмах: в русских, испанских, чухонских, итальянских и даже цыганских; экзотических растений, вин, угощения всякого было вдоволь, три оркестра музыки, украшение зала и освещение были ослепительные; водка и закуска в буфете отпускались даром. Веселие было неподдельное и продолжалось до 5 часов утра.

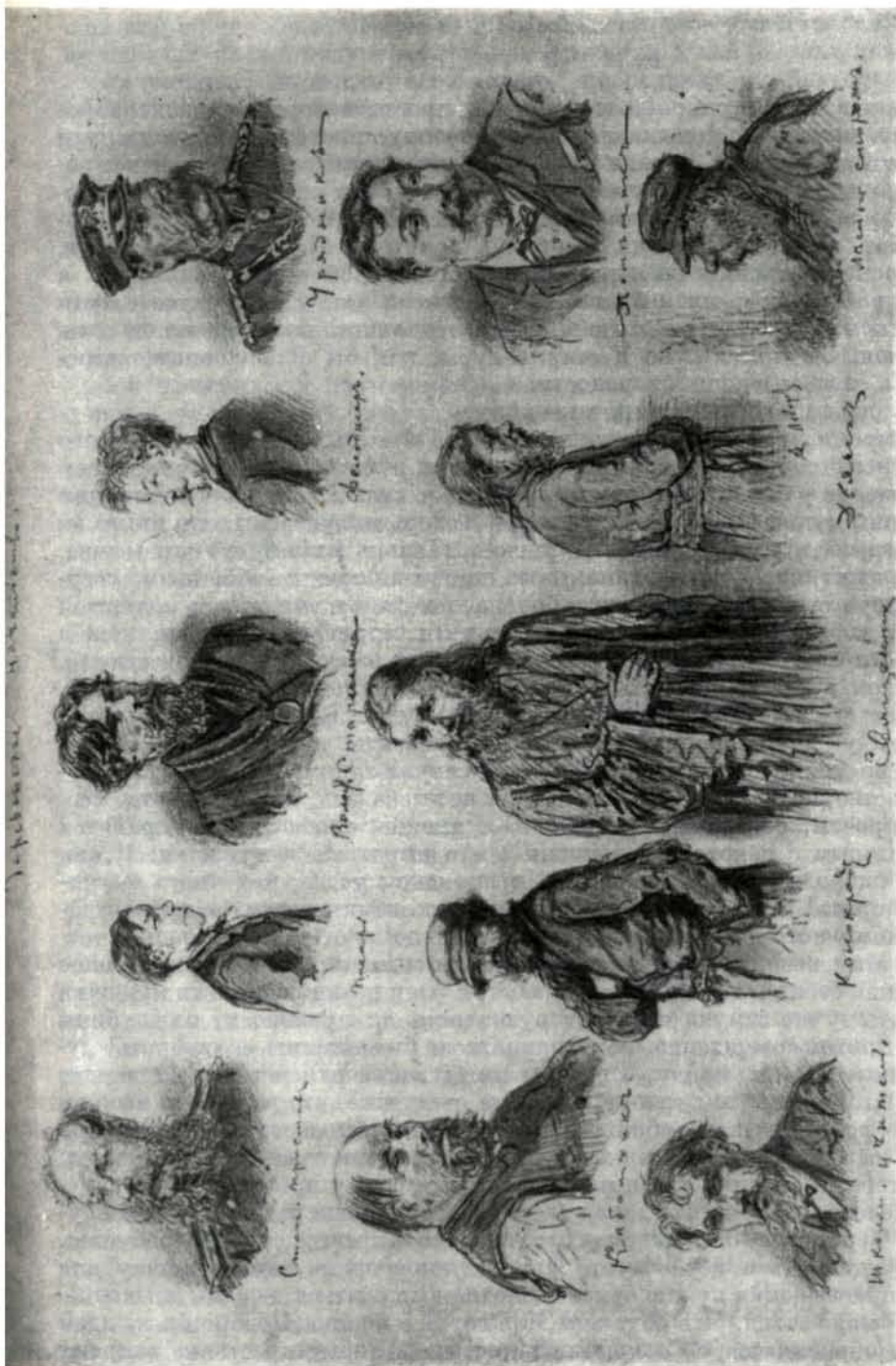
Впрочем, сколько я мог заметить из описаний всех этих торжеств, большая часть их выходит из ряда обыкновенных. В самом деле, ничего подобного до сих пор не было. Такого единодушия, такой непритворной игривости мы и не подозревали в наших почтенных соотечественниках. И откуда в них берется эта прыть? Читаешь описание какого-нибудь съезда или там просто кого-нибудь начальство вызвало в город — сейчас обед, после обеда танцы; какой-нибудь там купец пожертвовал два с полтиною на устройство школы — обед, после обеда танцы; у начальника жена двойню родила — опять обед и опять танцы. Но и этим не ограничивается дело. В последнее время до того дошло, что даже из приютов и из женских школ сделали какие-то танцевальные и увеселительные заведения.

В Гродне г-жа главная надзирательница женской гимназии устроила из воспитанниц спектакль и сама сочинила по этому случаю две пьесы: «Извинительная шалость» и «Возвращение на родину» с дивертисментом из русских песен и пляскою в русских народных костюмах. «Слишком 30 молоденьких девиц» приняли участие в этом торжестве. Восторг публики, разумеется, был неподдельный и выражался ежеминутно взрывами оглушительных рукоплесканий, особенно когда «занавес поднялся, и на сцене глазам зрителя предстала необыкновенно живописная группа поселянок, одетых в красивые народные русские платья. Под аккомпанемент оркестра раздались мелодические, нежные звуки хора поселянок, пропевших куплеты, нарочно написанные для этого спектакля». «Публика, в глубоком молчании прослушав стройное и мелодическое пение этих куплетов, разразилась восторженным громом рукоплесканий, прекратившихся только тогда, когда общее внимание было увлечено народною пляскою, непосредственно следовавшею за пением» («Гродненские губернские ведомости»). Но мне больше всего понравилось то, что за танцами непосредственно «последовало *соловое* и хоровое пение», вызвавшее новые взрывы неподдельного восторга. Я слышал, что лошади бывают *соловые*, но пения солового не слышал.

Не столь блестящие, но не менее поучительные торжества видим мы и в других городах: в Георгиевске было детское торжество, при котором «отрадно было видеть, какую непритворною радостью сияли лица всех присутствующих, от седовласых старцев до 7-милетних девочек, пришедших на торжество». В Могилеве г-н Цур-Милен в клубе устроил детское торжество — елку с сюрпризами; наконец, в Сарапуле г-н штатный смотритель устроил в женском училище что-то вроде торжественного акта и раздавал ученицам *листы и цветы*; за что «по общему желанию учениц удостоился получить их работы *салфетку*, вязаную в *тамбур*».

Почему же салфетку, а не *лист* с вышитыми на нем в тамбур именами признательных учениц? Это было бы приличнее, а то что такое салфетка — пустяки. «Листы и цветы!..» Мне почему-то пришло на память одно стихотворение Фета, где говорится о потоке следующее:

Был при деннице румян ты,
Был при луне бледен ты,
Гордо носил бриллианты,
Скромно *листы и цветы*.

ДЕРЕВЕНСКОЕ НАЧАЛЬСТВО

Рисунок карандашом А. И. Лебедева, 1870-е гг.

Исторический музей, Москва

II

ЯВЛЕНИЯ ОТРАДНЫЕ

И как все это скоро совершилось, просто невероятно даже! Просвещение, подобно бурному весеннему потоку, низвергающему на пути своем всякие препоны, шумно пронеслось по цветущим полям нашей родины, смягчило нравы, искоренило предрассудки и всюду пробудило ненасытную жажду грамотности, света и гласности. Яркие волны этого потока мчат на хребтах своих господина Золотова, Паульсона и других, сообщающих сельским жителям легчайший способ обучения чтению и письму, рассыпая на пути буквари и воздвигая всюду плодоносные кучи школ, школ и школ... Благодарственный поток очистил и освежил не одни только юные отпрыски, но и старые дубы, как бы обновленные, встрепенулись и позеленели от радости.

Беру отрадные явления на выдержку.

«Во время храмового праздника, в селе Пастырском (Чигиринского уезда), весь собравшийся из окрестных сел народ смотрел с умилением на освящение училищного дома, а прихожане села Пастырского говорили из глубины души: „Слава тебе, господи! Теперь мы уверены, что никто не будет отрывать наших детей от учения. Теперь они будут грамотны. Душа дрожит, когда дети наши читают и поют в церкви; с большим усердием теперь стоишь в церкви и с большею охотой и умилением молишься господу, да и в доме, на свободе, когда дитя читает, сам радуешься, ибо невольно при этом рождаются мысли добрые и разговоры благочестивые. Мы долгом считаем передать детям, а дети отдаленнейшему потомству, как завет“» и проч. («Киевский телеграф»).

К этому достоверному сведению прибавить, разумеется, ничего нельзя, но меня, к стыду моему, в этом случае занимает одно пустое обстоятельство, которого, однако, я не могу не высказать. Обстоятельство все-таки, впрочем, совершенно отрадное, а именно: мне особенно нравится слог, которым с некоторого времени стали выражаться мужички. И как они это скоро выучились, даже в Чигиринском уезде, как чисто выучились говорить! «Мы долгом считаем передать нашим детям, а дети отдаленнейшему потомству...» и т. д. Удивительно!

При этом невольно как-то перенесешь мыслью в недавнее прошлое и спросишь себя: что если бы года два, три тому назад заставить мужичка вызубрить ту же самую речь, которую теперь он произносит из глубины души, и притом совершенно добровольно, если бы заставить его зубрить, думаю я, целый месяц сряду, — выучил ли бы он ее или нет? Полагаю, что не выучил бы и притом голову отдаю на отсечение, что если бы и выучил даже, то все-таки «из глубины души» не сумел бы сказать ее. А теперь пришел на храмовой праздник, взглянул с умилением на школу и пошел: «Слава тебе, господи! Теперь мы уверены» и проч. и проч.

Но дело не в этом. Что такое слог? Повторяю еще раз: все может случиться, верстовые столбы будут произносить речи, если потребуются. Ничему удивляться не следует. Придет такое время, что мужичку для пользы просвещения нужно будет свободно выражаться на семи языках — и будет выражаться. Что ж такое? Можно. Все можно. Недаром в каждом № газет объявляется об открытии школ, на которые крестьяне взирают с умилением и с готовностью спешат отдать последний грош на пользу просвещения. Конечно, попадают иногда известия и такого рода, что крестьяне сначала как будто и не желают школы и мало сочувствия выказывают, но под конец всегда «единодушно соглашаются» и «усердно посылают детей учиться». Да вообще, по замечанию г-на Николича («Могилевские губернские ведомости»), видно, «что в местах, где действует заботящийся об училищах посредник и где избран умный и благомысля-

щий старшина, общественная самодеятельность пробуждается и крестьяне не перечат посильному сбору в пользу своих детей и учителя.

Разумеется, перечить заботливому посреднику и благомыслящему старшине немножко неловко, однако можно бы; но по газетам видно, что даже не перечат, а сейчас же «единодушно и с усердием»... и проч. А что такое заботливый посредник, видно будет ниже. На этот случай у нас имеются тоже два примера, из которых нетрудно усмотреть, что уже приближается то время, когда мужичок начнет свободно выражаться на семи языках.

Вспомни, читатель, как проводили крестьяне праздники в старые годы; вспомни, как они, бывало, нарезывались еще до обедни и целый день потом драли песни; вспомни, если память не изменяет тебе, и сравни с настоящим.

1-й пример. Собираются крестьяне к мировому посреднику и вместе с ним идут в церковь. Оттуда возвращаются опять к посреднику. Он сам подает им на тарелке вино и закуски, затем берет бокал и провозглашает тосты. Крестьяне *с бокалами в руках* кричат ура. После того крестьяне спрашивают любимого посредника, правда ли, что он оставляет их? И после утвердительного ответа вынимают (из портфеля, вероятно) заранее приготовленный письменный адрес, в котором выражено единодушное желание крестьян, чтобы заботливый посредник не покидал их. Господин посредник, растроганный до слез таким простым выражением признательности, обещает просить начальство об исполнении просьбы крестьян. Все целуются и расходятся по домам («Киевский телеграф», № 23).

Одного только недостает: чтобы пришли к посреднику юные девы и запели ему:

Не уезжай, голубчик мой!

И как всё это ловко устроили! И адрес приготовлен заранее и тосты... всё, как следует, по артикулу.

2-й пример. В Крестецком уезде (Новгородской губ.) крестьяне 4-го мирового участка были чрезвычайно довольны деятельностью господина посредника, Николая Дмитриевича Косачовского, и по этому случаю единодушно выразили желание, *вместе с помещиками*, поднести ему серебряный кубок «за справедливость и беспристрастие». На это было испрошено надлежащее разрешение, по получении которого и поднесли.

Во времена невежества подобные изъявления крестьянской признательности делались проще и дешевле: нанесут, бывало, мужики какому-нибудь любимому становому или заботливому исправнику яиц, кур, медку, ну, много-много, ежели барана приведут; а теперь все это деликатнее гораздо: кубок за справедливость и беспристрастие. Вообще, просвещение удивительное.

Впрочем, надо и то сказать: потребности в народе до такой степени изменились, что узнать нельзя. Как ты думаешь, читатель, в чем теперь, вот, в настоящую минуту, ощущается крайняя надобность в деревнях? Можно какое угодно пари держать, что не угадаешь. — В банках? — Нет. — В пожарной команде? — Нет. — В зоологических кабинетах? — Похоже, а все-таки не то. Да нечего и пробовать; не угадаешь. Недостает библиотек, недостает книг, «доставляющих сначала пищу для духа, а потом для практической деятельности». Вкус нашего народа в литературном отношении до такой степени определился, что можно наперед сказать, что ему понравится и что нет.

«Все знают, что народ наш любит религиозное поучительное чтение, известно также, что он любит Книгу Наума о великом божьем мире, читает и приобретает в собственность, любит библейскую историю со

105-ю картинками» («Енисейские губернские ведомости»). В Самарской губернии крестьяне в праздничные дни читают их дома, «а один летом изредка читает у ворот своего дома». А вот попробуй-ка дать им прочесть в руководстве г-на Главинского, в 3-м Отделе, притчу о семейном согласии. Да нет, и пробовать нечего. «Там, на 17 странице, *по недосмотру* автора вклеено народное бранное словцо в скобках; что скажут дети, их отцы и матери, когда вы им дадите прочитать эту притчу в назидание?»

Я воображаю, что скажут! особенно после того, как в них начали замечаться поползновения заводить у себя литературные вечера.

«Дайте крестьянину полезных книг, и он устроит литературные дни и вечера» («Курские губернские ведомости». Голос из села Самарской губ.).

Что же дети-то, однако? — Любопытно. Вот что мы узнаем из самого достоверного источника об этом интересном предмете. В «Виленских губернских ведомостях» г-н Адамович описывает открытие сельской школы в селе Воложине следующим образом: 28 октября была освящена «весьма торжественно Воложинская школа, а теперь там уже обучаются 60 мальчиков и одна девочка, несмотря на то, что тамошние крестьяне *еще не вполне сознают* пользу грамотности». Много труда предстоит уломать иного старикашку отдать сына или внука в школу. Даже и согласившись, он всегда оговаривается, что делает это «только для отца духовного и что он этим как будто делает одолжение ему; это, впрочем, черная сторона медали», — продолжает г-н Адамович, — «а вот вам красная: в молодом поколении есть горячее желание учиться. Мне случилось видеть, как один мальчик со слезами просил своего отца, чтобы тот позволил ему ходить в школу. Этот мальчик пришел в неописанный восторг, когда, вследствие моего ходатайства, получил дозволение от своего отца отправиться в школу. Он и плакал, и прыгал, и смеялся, а теперь в школе удивляет всех своими превосходными успехами. И таких мальчиков у нас не мало» (*там же*).

Это мальчики, что же касается девочек, то из отчета онежского женского второразрядного училища за прошлый год видно, что в минувшем учебном году из тридцати пяти учениц нерадивых было только четыре. Все вообще девицы вели себя благонаправно, и лишь одна девица (1-го класса, 12 лет) «была замечена в поступке, несвойственном детскому возрасту». Если же читателю покажется странным, почему эти хвалы достойные девицы, несмотря на свое благонаравие, воздерживаются от публичного заявления своей преданности и готовности к просвещению, то на это есть причины, которые я и спешу сообщить читателю. Во-первых, «у всех этих девиц есть один недостаток, состоящий в том, что они на все вопросы отвечают чрезвычайно слабым голосом, почти шепотом»; во-вторых, необходимо принять в соображение и природную скромность, свойственную женскому полу. Таким образом, дело и объяснится.

Ах, дети, дети, как опасны ваши лета!

III

ПЕЧАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Вряд ли найдется такой кровожадный хирург на свете, который находит бы удовольствие в том, чтобы расковыривать даже чужие, не только свои собственные раны. Кому это занятие может быть приятно? Я думаю, что никому. Следовательно, всякий умный читатель должен понять, что хроникер, приступая к изображению разных недугов, угнетающих

наше любезное отечество, не может не чувствовать, по крайней мере, некоторого душевного сокрушения. Но что же делать? Даже солнце светит не всегда одинаково.

Рядом с утешительными явлениями, которыми изобилует наша внутренняя жизнь, проходит вереница фактов огорчительного свойства, фактов, производящих горькое впечатление. Обозревая явления последней категории, прежде всего необходимо обратить внимание на то, что главное и существенное зло, порождающее все эти печальные явления, есть невежество и неумение воспользоваться теми благами, которые уже нам дарованы просвещением. Разумеется, при этом не следует забывать, что по причине обширности нашего отечества и по недостатку быстрого сообщения невозможно и требовать, чтобы просвещение равномерно всюду

1865.

ИСКРА.

173

БЛАЖЕННОЕ УТОПАНІЕ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ РОДИМОЙ ПОЧВѢ.

«БЛАЖЕННОЕ УТОПАНІЕ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ РОДИМОЙ ПОЧВѢ»

Карикатура. Рисунок неизвестного художника

«Искра», 1865, № 12

поспевало. Вследствие этого, конечно, неизбежны маленькие недоразумения. Да ведь и то надо сказать: где же не бывает недоразумений? От этого не убережешься.

В «Костромские губернские ведомости» пишут, что в одном избирательном участке баллотировали не шарами, а на голосах; вышел спор, кого назначить гласными; предлагали было помещиков, но крестьяне не хотели их баллотировать, говоря, что так как им дано право выборов, то они найдут выборных и из своей среды. Наконец, гласных выбрали; зашла речь о жалованье; выборщики отказали начисто: «Еще неизвестно, — говорили, — за что мы будем их награждать, посмотрим, каково будут служить, будут ли стоить награды».

«В том же письме рассказывается о другом съезде, на котором выборщики совсем не знали, что делать им с своими шарами, и слушались беспрекословно совета куда класть, направо или налево».

Как в первом, так и во втором случае, как видно, причину недоразумений было непонимание собственной пользы; но в одном из следующих №№ тех же ведомостей напечатано письмо землевладельца-помещика, который сам сознается, что он в числе прочих дворян Солигаличского

уезда отказался от участия в управе. Причиной такого отказа со стороны гг. помещиков на этот раз была сословная рознь. «Некто» частным письмом известил редактора «Костромских губернских ведомостей» о том, что дворяне того уезда уклонились от представительства в управе будто бы по ограниченности содержания, назначенного земским собранием. На это — г-н Н. К—ов (один из уклонившихся) отвечает: «Не недостаточность содержания, назначенного членам управы, а обидное пренебрежение (?) к мнениям гг. дворян было причиной, что они отказались быть членами земской управы» («Костромские губернские ведомости»).

Обидное пренебрежение к мнениям дворян, как оказывается из того же письма, состояло в том, что на предложенное дворянами количество содержания остальные гласные в один голос или, лучше сказать, *за одним* все остальные, сбавив цифру почти на половину без всяких суждений, определили свое решение. Точно так же поступили они со всеми другими вопросами, которые предлагали гг. дворяне.

Следя за ходом земского дела и встречая случаи, подобные описанному, невольно скажешь себе: зачем эта рознь, зачем все эти интриги и обидное пренебрежение друг к другу между членами одной и той же семьи? Не лучше ли усердно стремиться к одной общей цели? И все-таки, должно сознаться, что причина всех этих грустных явлений — непонимание и то грубое упорство, которым заражено у нас низшее сословие. Доказательство этому читаем в «Костромских ведомостях» по поводу некоторых беспорядков, бывших при доставлении рекрутской партии из волости в Кострому:

«Когда-то у нас пройдут эти дикие привычки и предания старых рекрутских наборов? Народу всё еще как будто неизвестны ни новая система рекрутства, ни реформы в нашей армии, ни все облегчения, введенные в последние годы. На рекрутскую повинность всё еще смотрят как на *прежние наборы*».

«С фермы г-на Данилова пишут, что партия людей, назначенных в рекруты от Гридинской волости, встретила ночью 20 января с обозом, шедшим из Костромы на ферму. Рекруты напали на рабочих, сорвали с них шапки, стали требовать выкупа за шапки и бросились к возам. Завязалась драка. Пострадали особенно двое; неизвестный дьячок, ехавший с обозом из Костромы, и рабочий Токарев доставил все в целости на ферму, но явился туда без шапки, с измороженным и избитым лицом. Шапки и куль с сеном рекруты увезли в Кострому» («Костромские губернские ведомости»).

Это все невежество — вековое зло, от которого мы с великим трудом отбиваемся и все еще не можем отбиться. Оно является в различных видах повсюду как в городах, так равно и в селениях и порождает одинаково гибельные последствия. Так, например, многие неопытные молодые люди из привилегированного класса, вмешавшись в отношения крестьян к землевладельцам и капиталистам, но не зная самых простых оснований экономического быта народа, вмешательством своим только и достигли того, что произвели путаницу в отношениях капитала к труду, в ущерб и тому и другому.

«Крестьянин, — говорит «Киевский телеграф», — не искусивший еще хорошо свободу своего труда, начал требовать за него несоразмерной платы, расстроил тем многие помещичьи хозяйства, оставил их на произвол судьбы, а сам для себя потерял дорогое время заработков, вследствие этого же (?) лень и горячее вино сделались более доступными для него».

Все это так, но ведать я желаю, почему тут *вследствие*? Ведь ежели «крестьянин, не искусивший еще хорошо свободу труда», потерял дорогое время заработков, то это значит, что он, разорив помещичьи имения и

пустив их на произвол судьбы, и сам разорился; стало быть, «лень и горячее вино» сделались для него *менее* доступными, потому что лениться и пить горячее вино может человек только тогда, когда имеет на это средства; но ведь «крестьянин, не искусивший еще хорошо свободу своего труда», средств не имеет? Нет, тут что-нибудь да не так; тут, по всей вероятности, тоже скрывается какое-нибудь недоразумение; но как бы то ни было хороши должны быть и эти помещичьи имения, о которых должен заботиться крестьянин и не оставлять их на произвол судьбы.

Впрочем, перед нами еще такое необъятное количество разных печальных фактов, что останавливаться над такими мелочами долго не стоит. В настоящую минуту меня занимает явление, пробуждающее в сердце несравненно более скорбное чувство. Дело идет о «пермских биржевых извозчиках». Это, по моему мнению, факт настолько знаменательный, что я считаю долгом познакомиться с ним читателя. Для этой цели я воспользуюсь некоторыми данными из одной обширной статьи, в которой вопрос об извозчиках изложен весьма подробно и обстоятельно. Дело в том, что в г. Перми в последнее время извозничий промысел без всякой нужды увеличился до чрезвычайности, так что местные жители стали недоумевать, для какой надобности является такое большое число извозчиков, и вообще подозрительно смотрели на их промысел. Это справедливое недоверие и подозрительность местных жителей не замедлили оправдаться. Так как в Перми спрос на извозчиков вообще очень слаб, то большая часть их остается без дела, следствием этого, разумеется, было то, что между праздными извозчиками развилось пьянство, грубиянство, невежество и жестокость в обращении с лошадьми, так что в последнее время, по словам пермского обывателя, в городе просто житья не стало от извозчиков. От бездействия, праздной и порочной жизни эти разбойники дошли до того, что мирные граждане города Перми не решаются выходить из домов своих из опасения быть обруганными, забрызганными грязью и даже раздавленными ватагою пьяных и буйных извозчиков. Вот как рисует пермский обыватель положение, в котором находится г. Пермь.

«Нет спроса, нет требования на извозчиков, и вот они группами по три, по четыре и более в ряд располагаются на перекрестках более многолюдных улиц города. На досуге они перебрасываются между собою очень и очень крупными словами. Иногда резко и бойко вырывается у них такое словцо собственного изделия, которое в одно мгновение поражает все ваши чувства и вполне изображает все безобразие извозничьей натуры. Когда же дело доходит у них до ссоры, то лучше и не ходить мимо того места, где стоят извозчики, иначе вы рискуете познакомиться с целым лексиконом самых отвратительных ругательств извозничьей брани» («Пермские губернские ведомости»).

Когда нет требования на извозчиков, то часто они на месте своей стоянки располагаются так, что загораживают проход для пешего людя.

«Извозчик предлагает вам услуги, а если вы не желаете воспользоваться его предложением, он не сдвинется со своего места и заставит вас обходить *дрянной экипаж* его по грязной луже или зимой по сугробу снега. Нередко вдобавок к этому извозчик вслед вам отпустит какую-либо площадно остроумную шутку. Для извозчиков не малым развлечением служит, если кто-либо из них, часто без всякой надобности, быстро промчавшись мимо опрятно одетой дамы, охлестнет ее грязью» (*там же*).

Ему кажется нипочем, если он ушибет или сомнет кого-либо на своем бешеном скаку, испугает, обеспокоит, вгонит в грязь или в снег идущих по улице людей разного пола, возраста и звания. Кроме того, постоянным и любимым занятием этих невежд служит зверское бичевание собственных лошадей. Этому занятию предаются они от нечего делать,

постоянно в продолжении дня, стоя даже на самых видных местах, на самых многолюдных улицах. В особенности один извозчик, стоящий у гостиного двора, отличается жестоким обращением с своей лошадью. Однажды пермский обыватель, проходя мимо гимназии, еще издали слышал бичевание этого тирана.

«Прогулявшись по берегу Камы и возвращаясь домой, мы видели, что тот же извозчик все еще продолжал свои экзерциции. Но когда мы подошли к нему, он уже успокоился. Один из проходивших с нами спросил его: зачем он мучит свою лошадь? Извозчик отвечал, что лошадь у него деревенская, недавно куплена, городских порядков не знает, так вот он ее и поучил. — Можно учить, но зачем так жестоко бить? — спросили мы извозчика. — Нет, — отвечал извозчик, — не станешь ее драть, и добра от нее не видать. Так об этом предмете рассуждают не только извозчики, но и вообще почти все кучера. И вот мы постоянно слышим и видим на улицах нашего города жестокое бичевание лошадей. Стоит у подъезда кучер, нечего ему делать, скука — и вот он для развлечения со всего размаха ударит бичом лошадь, сделает на ней по улице круг и опять станет на прежнее место. Спросите его: зачем он без всякой надобности наказал лошадь. Он с удивлением посмотрит на вас и скажет: на то-де я и кучер» (*там же*).

Далее в виде поучения пермский обыватель замечает, что были случаи, когда лошади от дурного обращения с ними кучеров приходили в такое неистовство, что загрызали их до смерти. Из этого примера уже всякий сам может вывести заключение, что лошади тоже любят справедливость и всегда бывают недовольны, когда их без толку наказывают. Будь строг, но справедлив, — сказала бы всякая порядочная лошадь своему кучеру, если бы умела говорить. Впрочем, оно, может быть, с другой стороны и хорошо даже, что лошади не говорят. Неизвестно еще, что бы они сказали, если бы им вдруг было разрешено высказывать свои мнения насчет кучеров.

Но как бы то ни было, тем не менее факт, о котором заявляет пермский обыватель, — остается фактом, и печальное положение пермских граждан — вещь несомненная.

Пробегаая сообщенные мною печальные явления нашей провинциальной жизни, — читатель не смог не заметить, конечно, что мы незаметным образом окунулись с ним в сферу обличений. Кстати вот нищие, по свидетельству тех же ведомостей, тоже составляют немаловажное зло и беспокоят мирных граждан в Перми не хуже извозчиков. «Лет 15 тому назад, — рассуждают «Пермские губернские ведомости», — нищих в Перми было вовсе не заметно, теперь же число их выросло до таких размеров, что по улицам проходу нет». Причиною такого размножения нищих местная газета признает: неурожай и одновременно с ними усилившееся в Пермской губернии винокурение, потребляющее огромное количество хлеба, неслыханное доселе размножение кабаков и наконец оставление дворовых людей, освобожденных из крепостной зависимости, без всякого призрения со стороны помещиков и общества.

По-моему, мнение «Пермских губернских ведомостей» не совсем основательно и обличает в них незнание простых начал экономического быта народа. О чем тут рассуждать? Отчего пьянство, отчего нищенство? Если бы был хлеб, нищие и пьяницы ели бы хлеб, но он идет на вино, стало быть, нет хлеба, а есть вино. Куда же его девать, спрашивается? Должен же его кто-нибудь пить? Чудаки эти «Пермские губернские ведомости».

Вот тоже в г. Данкове какой-то купец Ермаков плачется на повсеместное распространение пьянства и в рассуждениях своих питейный дом принимает за *точку отправления*. «Московские ведомости» и без Ермакова

давно уж решили этот вопрос, стало быть, и разговаривать тут много нечего.

Нас занимают вопросы более интересные. Для того чтобы не надоест читателю повествованием о наших скорбях и не отбить у него охоты на

ЗАПРЕЩЕННАЯ. КАРИКАТУРА НА ПОРЕФОРМЕННОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО

Начальник. Я беру одну пачку займобразно.

Казначей. Но я не могу этого позволить: меня отдадут под суд.

Начальник. Я вас прежде отдам под суд за превышение власти...

Как вы смеете мне не позволить!

Рисунок А. Н. Борзевский, 1862—1863 гг. Предназначался для журнала «Искра»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

будущее время читать нашу хронику, мы намерены на время оставить чисто печальные явления и развлечь его другою категориею фактов, которые мы и назовем странными.

К этому отделу следует отнести, во-первых, следующий случай, озаглавленный в «Костромских губернских ведомостях» таким образом:

Жеребец в гостиной частного пристава

«В „Одесском вестнике“ мы находим следующее известие, которое передаем, не принимая за него ответственности. У проживающего в колонии Кубсе купца из болгар, Георгия Янева, украден был ценный жеребец и, как можно было подозревать, препровожден в Измаил. Хозяин лошади отправился туда ее отыскивать, и проведал, что она — у самого частного пристава той части, где находится бывшая крепость, и даже *в самом жилище пристава*. Осмотрев внутренность этого жилища через окно, Янев с сопровождавшими его лицами увидели действительно, что в роскошно убранной гостиной стоял тот самый жеребец, которого они искали, на веревке, привязанный к тяжелому мраморному столу. Улика была налицо, и потому свидетели немедленно послали за приставом. Последний, придя домой и ничего не зная о происшедшем, на вопрос, — где та лошадь, которую он купил вчера, — начал грубиянить, показал своих семь лошадей и приказал позвать жандармов, чтобы связать Янева и отослать его в полицейскую яму, как не предъявившего паспорта полиции. Тогда Янев, не ожидая прибытия полицейской помощи, схватил его за воротник, притащил к окну гостиной и сунул его лицом в окно. В то же время и развязавшаяся лошадь подошла к окну по паркету и, увидав хозяина или услышав его голос, весело заржала („Одесский вестник“).

В «Вятских губернских ведомостях» опубликован другой случай, за достоверность которого тоже поручиться трудно.

Вот как рассказывает один обыватель этот случай:

«Однажды осенью, в деревне, увидел я старого, седого мужика, возле которого шутили молодые. Лицо у старика было подвязано. Я вступил с ним в разговор. Оказалось, что ему какой-то молодец откусил половину нижней губы. „Был я позавчера в кабаке, — говорил он, — и привязался ко мне сосед: выпей, да выпей! Я отказываться, он — за бороду: пей, — говорит, — а то поцелую! — Ну, целуй, говорю, а пить не стану, я и так хмелен... Вот и поцеловал, буду помнить“. — „Тебе, старик, и есть нельзя без губы-то?“ — спросил я. — „Нельзя; славу богу, хоть выпить можно, а есть — больно“. — „Что же ты не жаловался на такую обиду?“ — „Да что жаловаться? Мне ведь 83 года; помирать скоро надоть. Мириться хотел, просил за губу *три целковых*, да больше полведра не дает, окаянный! Так уже лучше умру без губы и ничего не возьму и жаловаться не стану! Еще в суд позовут, а у меня уже кости болят ездить... Ох, хуже и нету того, как по кабакам ходить!..“»

И это может быть, а странно. Не правда ли, читатель?

В заключение привожу два случая, имеющие, кроме странности, еще один признак, по которому уже бог знает куда их и причислить. В обоих случаях дело идет о преступлениях, совершенных *животными*. Положим, что, по мнению пермского обывателя, животных можно наказывать за мелкие проступки, но в этом случае дело ограничивается домашними мерами. Хотя извозчики секут лошадей своих публично, на площадях и перекрестках, даже близ гостиной двора, случается, наказывают их, но все-таки сам хозяин расправляется, не доводя дело до начальства.

Теперь спрашивается, как же быть в тех случаях, когда домашние животные совершают более тяжкие преступления — как тут быть? А что они действительно являются преступниками, доказательством служат два следующие случая.

Первый случай был в Рыбинске. «Один крестьянин, отправляясь в Николин день к заутрени, оставил дома свои деньги, 520 руб., завернув их в синюю сахарную бумагу и положив в горшок, который засыпал свеклой, вероятно, чтобы воры не могли его заметить; хату же свою запер со всех сторон накрепко. Между тем после заутрени денег в горшке,

как и свеклы, не оказалось; а так как замки и запоры были совершенно целы, то подозрение пало на единственное живое существо, остававшееся в хате — телку. Крестьянин распорол ей брюхо и, действительно, нашел в нем свои бумажки. Телушка съела их вместе со свеклой, которая, будучи положена в горшке сверху, сообщила сладкий сок кредитным билетам и синей бумаге, в которую они были завернуты. Бумагу эту она только обсосала, вероятно, потому, что не в силах была проглотить ее. Из 520 руб. серебром, найденных в желудке телушки, 170 руб. серебром оказались годными к употреблению, у остальных же номера и подписи уничтожились».

Другой случай был в Одессе, среди белого дня на одной из самых многолюдных улиц. Преступление совершено было собакою в присутствии других собак, которые также замешаны в это дело, не только как свидетели, но и как участники в преступлении.

Дело в том, что по улицам Одессы постоянно ходит множество приبلудших и притом голодных собак. Одна из таких собак схватила целую булку со скамейки, уставленной съедобным материалом, у дверей одной лавочки. Девочка, продававшая булки, не успела вовремя отогнать собаку и, заметив покражу в зубах огромного пса, вздумала было погнаться за ним; но напрасно: четвероногое было уже далеко. За собакой-воровкой погнались несколько других, вероятно, также проголодавшихся собак; сильнейшая из них выхватила добычу из зубов вора и пустилась вскачь от дальнейшего преследования. Но навстречу к ней шел в это время чей-то кучер, который выхватил в свою очередь булку у собаки и наградил последнюю несколькими ударами ногою.

А н о н и м

Надо, впрочем, надеяться, что при возрождающейся у нас гласности подобный бесцеремонный взгляд на чужую собственность должен будет уступить более законным требованиям общества, так как случаи вроде описанного ни в каком образованном государстве терпимы быть не могут.

V*

ОПЯТЬ ОТРАДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Недаром наше любезное отечество для пытливых иноземцев до сих пор остается *terra incognita*, т. е. неразгаданною задачею. Мы и сами его не знаем. Обойти всю Россию — трудно, а узнать ее так, не обходя, еще труднее. Конечно, иноземцы, будучи от природы завистливы, может быть, желали бы завладеть нашим отечеством, даже не глядя, что в нем есть, не разбирая, какие там богатства в недрах его заключаются и прочее; но мы... мы этого не желаем и, кроме того, нам нужно все эти богатства извлечь, потому что зачем же им пропадать зря? Мало ли мы иноземцам-то этим денег переплатили за их пыливость; теперь нам пора самим взяться за ум. А для этого нам прежде всего нужно обыкновенно — познать себя. Да, впрочем, что уж! Об этом сколько было говорено [не действует]. Вот, например, что такое Катунки? Кто знает? — Никто не знает. То-то и есть. А между тем Катунки это... это село. Дда! Вот вы и думайте! Прежде нужно спросить, много ли таких сел в Европе, как наши Катунки?

«Село Катунки Балахнинского уезда стоит на правом берегу Волги; в нем 4 каменные церкви, из них три приходские и одна кладбищенская; есть и собор — Варваринский; в нем (т. е. в селе, а не в соборе) до 700 домов; из них 10 каменных, а остальные деревянные, более двухэтажные; в нем более 3000 душ временно-обязанных крестьян разных помещиков. Село принадлежало прежде грузинскому царевичу — Бакару

* О пропуске фельетона IV см. выше вступительную заметку.—Ред.

Вахтангиевичу, выехавшему из Грузии вместе с братом своим Арсилом, при даре Алексее Михайловиче, а ныне принадлежит разным помещикам». Там есть, в Катунках, «красивый дом господина Турчанинова, со всем барским пристроем, с окружающими садами и самыми вычурными в них беседками» и проч.

Так вот они Катунки-то какие!

«Если смотреть на Катунки с юго-востока, то над рощею возвышается свинцовый шпиль и позлащенный крест». Далее церковь Воздвижения креста господня, а при ней родился митрополит Иов. «Из капиталистов ныне замечательны купцы балахнинские В. и М. Парамоновы, имеющие до 100 000 руб. наличного капитала, и московский купец Белов, имеющий наличного капитала до 50 000 руб.». На вопрос о первоначальном основании Катунки *надобно отвечать*, что здешнее поселение относится к временам стародавним. Образованность жителей *время от времени* принимает все более широкие размеры. Мало того, «можно смело сказать, что катунцы вполне сочувствуют современному прогрессу». Мало того, «они выписывают несколько *современных* журналов и газет, следят за преобразованиями, движением торговли и *даже политикою*, словом, за всею современностью». Мало того, «охотно становятся на клиросе, в церквах, стройно поют, *внятно* читают часы, апостол, шестопсалмие и т. под.»

Кроме того, «дома в часы досуга, между прочим (заметьте: между прочим), читают жития святых и другие священные книги. Воспитанные на *началах истинного знания* и доброй нравственности, они (это катунцы-то) в своих *мыслях*, чувствах (кто это узнал, любопытно знать), предприятиях и самых делах проявляют плоды своего умственного развития и более или менее ясного человеческого сознания»... А? Каково-с? Да; еще пропустил!.. «Язык здешний чист и естествен».

Неужели, читатель, все еще тебе этого мало? Ну так слушай же, любезнейший!

<Далее наклеена вырезка из газеты «Волга» 1864 г. со следующим текстом:>

«По своим занятиям и торговым делам, сталкиваясь с лицами более или менее грамотными, бывалыми и сведущими, они привыкают к оборотам речи более вежливым: например, «ваша милость, ваше благородие, ваше степенство, что вам угодно?» (Это всё катунцы).

«Катунский костюм *моден* и роскошен...

Мужчина своих опойков на обувь не жалеет, тем более щеголяет *нежный* пол.

Здешний костюм *какою-нибудь* малостию уступает городскому... Жители Катунки усердны к храму божью в высшей степени... Здешние жители любят и хороший приют... Они голосистых диаконов хватают на разрыв. У которой церкви диакон голосистее, туда больше ходит и народу...

Все церкви бывают полны... Катунцы в особенности отличаются святым обрядом поминовения усопших... Жители вполне сознают великую важность священнического сана... Жители и между собою обращаются в духе братолюбия... Взаимная вежливость, сострадательность к несчастным, снисходительность к слабостям, *чуждая насмешек* и всякого оскорбления, — вот прекрасные черты их характера!.. Бывали даже примеры геройской отваги, за каковые подвиги отважные удостоивались награды и от правительства...» (там же).

Читатель! Неужели ты не рвешь на себе волосы и не ругаешь... самого себя всякими поносными словами за то, что ты до сих пор коснел в неведении и ничего не знал о том, что такое Катунки? Этакой прелести ты не знал! И после этого у тебя достаёт совести хвастаться знанием своего отечества? Стыдись!

Автограф. ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 185, лл. 1—2.